

Д.В. Денисюк
(*Брестский государственный технический университет,*
г. Брест, Беларусь)

ЗАПАДНОРУСИЗМ И КРАЕВОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Каждое государственное образование нуждается в национальной идее, которая будет скреплять общество, формулировать задачи, определять предназначение народа, убедительно обосновывать необходимость строительства собственной государственности. Национальная идея, которая не конфликтует с национальным самосознанием, является залогом успешного развития страны. И, наоборот, инородная, искусственно привнесённая и не разделяемая массами идеология может существенно затормозить созревание идеи национальной государственности, особенно если речь идёт о регионах культурного пограничья. Культурное пограничье – это «особые контактные зоны, где мы наблюдаем взаимодействие, встречу культур и которые отличаются особой социокультурной динамикой» [1, с. 110]. Проблематика культурного пограничья, которая является актуальной в современном глобализированном мире, имеет самое непосредственное отношение и к территории исторического проживания белорусов в XIX в. – это Могилёвская, Витебская, Минская, Виленская и Гродненская губернии в Российской империи. «Культурное прочтение» этого географического пространства позволяет утверждать, что в белорусских землях сосуществовало несколько зон пространственной идентичности, встречались и взаимодействовали между собой такие культуры как белорусская, русская, польская, украинская, еврейская и другие.

Белорусский этнос и культура во второй половине XIX в. – начале XX в. формировались и развивались в условиях культурного пограничья. Чтобы изучить опыт взаимодействия культур на западных окраинах Российской империи, мы рассмотрели два направления общественно-политической мысли, которые оппонировали белорусской национальной идее – западнорусизм и краёвость.

После раздела Речи Посполитой часть её земель вошла в состав Российской империи. С целью укрепления единства и целостности империи царское правительство проводило административно-правовую унификацию окраин, русификацию системы образования и делопроизводства, устраняло последствия полонизации. Существовало понимание, что более жёсткая политика по национальному вопросу может привести к нарастанию конфликтных ситуаций, росту революционных настроений.

Между тем территория расселения белорусского этноса всегда являлась местом национального, религиозного, культурного многообразия. Это непосредственным образом влияло на формирование белорусской идентичности, замедляло темпы становления национальной идеи. Сдерживающими факторами в процессе формирования белорусской нации стали отсутствие собственного государства, слабость национальной буржуазии и интеллигенции. Одной из причин отсутствия национальной интеллигенции во второй половине XIX в. стало закрытие высших учебных заведений в Вильно и Горках. Медленный темп формирования национальной идеи также объяснялся особенностями национального характера и менталитета белорусов – терпеливостью, консерватизмом, отсутствием чувства превосходства над другими народами, ориентированностью на мирное сосуществование.

Пробуждению национального самосознания и формированию национальной идеи способствовали публикации научных трудов по истории, культуре, этнографии, языку белорусов. Авторы Е. Романов, П. Шейн, И. Носович, А. Сапунов и другие учёные ссылались на природно-географические, социально-экономические особенности Беларуси, общую историческую судьбу и самобытный язык, осознание белорусами своей внутренней органической связи и отличия от соседних народов.

В период восстания 1863–1864 гг. в белорусском национальном движении зародился политический компонент – идея государственной самостоятельности в единстве с Литвой. Даже в современных условиях популярность в определенных кругах балтской теории белорусского этногенеза обусловлена не столько весомостью научных аргументов, сколько стремлением идеологически обосновать культурные отличия от русских, которые являются по этой теории результатом синтеза славян с фино-уграми.

Чтобы максимально дистанцироваться от русских возникали сообщества, построенные на негативной идентичности. Теоретическое обоснование культурной и исторической дистанции от России строилось на идеях, которые имели широкое хождение в польской общественно-политической мысли. Не случайно приверженцы идеи белорусской государственности в основном были выходцами католической среды (братья Антон и Иван Луцкевичи, Вацлав Ивановский, Вацлав Ластовский).

Интересно, что деятельность белорусских национальных деятелей в отдельных случаях воспринималась как проявление в одном случае польской, а в другом русской «интриги». В этом сказался способ понимания отдельной белорусской идентичности как проявления иной, внешней и даже чуждой культуры, стремящейся разрушить «исконное» культурное пространство. Попытка объединить в одно целое деятелей разных культур также косвенно свидетельствовала о культурной эклектичности и ситуации культурного пограничья. В усло-

виях сильного русского и польского культурного влияния добиться однородной культурной идентичности было практически невозможно, создавались различия в типах идентичности и моделях осмысления белорусской истории и культуры.

В борьбе за то, чтобы жители пяти западных губерний не примкнули к польскому национально-освободительному движению, царское правительство стремилось утвердить идеи западнорусизма.

Западнорусизм – историко-идеологическое направление научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни, которое возникло в Северо-Западном крае Российской империи. (Аналог концепции малороссийской идентичности в юго-западных губерниях Российской империи). Представители этого течения утверждали, что Беларусь составляет западную часть России, а белорусы являются этнографической группой единого русского народа и не могут иметь своей государственности. Западнорусизм стал удобным инструментом для противопоставления «ветвей русского племени» и «инородных польских элементов».

Основным автором идеи западнорусизма считается Александр Коялович, которому принадлежат слова: «Белорусы – это русские, немного подпорченные поляками». Представителями направления были также Ксенофонт Говорский, Григорий Киприанович, Арсений Турцевич и другие.

Многие деятели западнорусской ориентации ощущали себя русскими в большей степени, чем выходцы из внутренних губерний Российской империи. Так, в своей переписке уроженец Ковенской губернии профессор и редактор «Правительственного вестника» П. А. Кулаковский мог написать, что «по воспитанию, по духу и образованию, даже по привычкам я – москвич, но родом я западнорусс». По словам публициста Я. Балвановича, «белорусы молодого поколения, только что выступающие на поприще жизни, но уже вполне сознавшие русскую национальность» в ответ на указание на их «фамилии не с русским окончанием» отказывались признавать своих обидчиков «русскими» [2, с. 72]. В стремлении подчеркнуть свою принадлежность к русскому культурному пространству один из видных русских славистов уроженец Гродненщины А.С. Будзилович в период польского восстания 1863–1864 гг. изменил свою фамилию на Будилович [2, с. 72]. Идеология западнорусизма содействовала утверждению русского национального самосознания в крестьянской среде, усилению позиций Русской православной церкви, распространяла убеждение, что белорусские земли являются частью русской территорией. Несмотря на достаточно широкое распространение западнорусизма в общественно-политической мысли, он так и не сумел вытеснить иные направления общественно-политической мысли.

Краёвость. В конце XIX в. особенно популярной становится идея Края – территории гармоничного совместного проживания белорусов, литовцев, поляков и других народов. Так называли земли бывшего Великого княжества Великого – шесть литовско-белорусских губерний Северо-Западного края. Краёвцы отстаивали гражданский национализм – политическое единство обитателей бывшего ВКЛ. Край было невозможно освободить от российского господства в обозримой перспективе, поэтому оставалось только развивать экономику и культуру этих земель. Даже это стало непростой задачей в условиях национального угнетения и постепенного упадка шляхты. Присоединиться к террористической борьбе рево-

люционеров большая часть уважаемых семей не собиралась. Вместо этого элита занялась модернизацией края. Экономическое развитие края помогало гражданскому обществу. С 1860-х гг. в белорусско-литовских губерниях возникали сельскохозяйственные общества, куда вошли многие землевладельцы. Они стали центрами общественной жизни губерний, там решались многие насущные вопросы. Широко известно меценатство княгини Марии Магдалены Радзивилл – она финансировала госпитали, приюты, школы, костёлы, публикацию книг Максима Богдановича, Якуба Коласа, Максима Горьцкого и многое другое. Одним из самых активных участников экономического, политического и культурного возрождения Беларуси и Литвы был Эдвард Войнилович. Он возглавлял Минское сельскохозяйственное общество, трижды избирался в Госдуму, строил на свои средства православные церкви и костёлы.

Местная элита поддерживала политическое и культурное единство земель Великого княжества Литовского. Воспитанная на польской культуре и традициях исторической Литвы, шляхта верила в идеалы Костюшко, Мицкевича, Сырокомли. «Мы, граждане Литвы и Беларуси не можем быть польскими колонистами. В измерении краевого гражданства, т. е. в измерении политическом, социальном и экономическом, нашей родной землей является Литва и Беларусь. Исключительно в измерении культурно-национальном мы остаемся сыновьями польского народа и от этого родства отказываться не будем и не желаем», – выразился краёвец-демократ Михаил Ромер.

К началу XX в., когда в белорусско-литовских губерниях появились возможности для легальной борьбы, стали формироваться *краёвые* партии. На тот момент главной угрозой для империи стал левый терроризм, а недоверие к шляхте несколько снизилось. В 1903 г. в Минск приехал министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве, который сообщил местной общественности о создании губернских комитетов в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях. Краёвцы образовали депутатскую группу в первой Госдуме (Краёвое коло Литвы и Руси), добиваясь отмены дискриминационных «исключительных законов», полноценного введения земств и постепенного продвижения к автономии. Главной газетой краёвцев либерально-консервативного направления стал «KurierLitewski» (1905–1915 гг.). Но, постепенно влияние консерваторов-краёвцев стало ослабевать, а их фракция в Госдуме следующих созывов сократилась.

Во время Первой мировой войны краёвцы пытались в условиях немецкой оккупации создать объединённое государство, прообразом которого было ВКЛ. Повторялась история столетней давности, когда были созданы проект Агинского 1811 г. и Временное правительство ВКЛ 1812 г. Ложа «Великий Восток Литвы» сыграла ключевую роль в создании Конфедерации Великого княжества Литовского в декабре 1915 г. Однако, несмотря на переговоры белорусских политиков с литовской Тарибой, литовцы уже стремились к построению отдельного национального государства.

Крушение Российской империи в 1917 г. открыло дорогу многочисленным проектам самоопределения её национальных окраин. Наиболее последовательно, и не без влияния краёвцев, идея белорусской государственности была разработана в проекте программы Белорусской партии автономистов (1917 г.) – с требованием права на национальное, культурное и политическое самоопреде-

ление в границах широкой краёвой автономии Беларуси с сохранением единства и неделимости её с Россией и с обеспечением прав национальных меньшинств края [3, с. 7]. После Рижского мирного договора 1921 г., разделившего белорусский народ на два десятилетия, идея краёвости становится непопулярной, а к 1940-м гг. прекращает своё существование.

Заключение. Таким образом, становление белорусской национальной идеи на протяжении XIX в. – начала XX в. происходило в сложных условиях культурного пограничья, в идеологическом противостоянии как с западнорусизмом, который отрицал наличие белорусской народности, так и с идеологией краёвости, которая призывала воссоздать исторические формы сосуществования народов в форме ВКЛ. Учитывая этот опыт в современной национальной политике Республики Беларусь делается ставка не столько на общие культурные начала, этническое единство, сколько на принадлежность к одному гражданскому сообществу.

Литература

1. Андреева, А. А. Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии / А. А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 35(3). – С. 108–113.
2. Киселев, А. А. Западнорусизм, краевость и белорусское национальное движение как феномены культурного пограничья / А. А. Киселев // Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой : историческая и современная : материалы международной научной конференции, Минск, 12 мая 2016 г. / Белорусский национальный технический университет ; ред. А. И. Лойко. – Минск, 2016. – С. 70–75.
3. Ладысеў, У. Ф. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 128 с.